

А. Д. УРСУЛ

Перспективы эволюции государства в модели устойчивого развития

Специфика российской модели устойчивого развития

России в ближайшие годы необходимо, включаясь в мировой интеграционно-цивилизационный процесс, перейти к рыночной экономике, демократии, правовому государству, гражданскому обществу. Вместе с тем перед мировым сообществом и Россией поставлена новая беспрецедентная цель — перейти на новую модель устойчивого развития (УР). В это понятие вкладывается сбалансированное во всех отношениях развитие, но его стержнем оказались проблемы экологии. Именно благодаря анализу проблем окружающей природной среды и появилось это новое понятие — *sustainable development*.

В нашей стране в последние два года наблюдается осознание необходимости перехода на модель УР. Появились Указ Президента РФ № 236 от 4 февраля [1], Распоряжение Правительства РФ № 217-р от 24 февраля 1994 года, проведен Всероссийский конкурс на разработку проекта концепции перехода РФ на модель УР [2], вышли научные труды [3—9] и проведен ряд совещаний и конференций, обсуждавших рассматриваемую проблему, в том числе первый Всероссийский съезд по охране окружающей среды, обсудивший правительственный вариант концепции.

Принятие данной концепции будет означать, что Россия обретет новые мировоззренческие ориентиры и стратегию, адекватные цели своего возрождения, которые в последние годы были утеряны и заменены архаичными для всего мирового сообщества целями формирования индустриально-потребительского общества, движения к прошлым общественно-экономическим формациям, квалифицированным на конференции ООН 1992 года в Рио-де-Жанейро как модели неустойчивого развития. Можно ожидать, что идеи УР станут центром возрождения духовности и созидательной стратегии социальных действий россиян, базой гражданского, национального и политического согласия в обществе, формирования новой модели российской государственности. Принятие концепции правительством и широкой общественностью постепенно превратит ее в общенациональную стратегию эволюционного УР России на третье тысячелетие. Впрочем, нужно иметь в виду, что ряд именитых авторов считают саму идею УР весьма спорной, даже очередной социальной утопией и иллюзией решения проблемы выживания. В их аргументах много рациональных моментов, и вряд ли

Урсул Аркадий Дмитриевич — действительный член АН Молдавии и Международной академии астронавтики (Париж), президент Академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, заведующий кафедрой социальной экологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

можно излагать разрабатываемую концепцию, не упоминая колоссальных трудностях ее реализации.

Принятие концепции и стратегии движения России по пути УР повлечет за собой кардинальные изменения и в концепции безопасности. Ведь пока что все концепции безопасности неявно исходят из того, что необходимо обеспечить безопасность таких неустойчивых систем, какими сейчас оказываются общество, государство, цивилизация. Тем самым наиболее перспективная концепция безопасности должна базироваться на стратегии УР, как, впрочем, и УР без обеспечения безопасности всех ее субъектов в принципе нереализуема.

Россия, включаясь в процесс экологического выживания цивилизации, вынуждена будет переходить на цели и принципы УР как системно-эволюционную стратегию своего реформирования, иначе может оказаться на периферии цивилизационных трансформаций. При этом у нашей страны есть ряд особенностей, которые облегчают выход на путь УР. Среди этих особенностей зачастую называют наличие колоссальных природных ресурсов и благоприятных природных условий, в частности значительной территории, около половины которой слабо затронута хозяйственной деятельностью.

В России имеется и огромный интеллектуальный научный потенциал, который пока еще не до конца разрушен и в принципе способен, опираясь на идеи В. Вернадского и К. Циолковского, на существующий задел в области становления сферы разума, разработать наиболее адекватные концепцию, стратегию, программы УР и планы действий по их реализации, разумеется, при условии соответствующей поддержки со стороны государства.

Россия, где ранее не было создано общество сверхпотребления, отказавшись от ряда негуманных потребностей и направлений развития, может опередить развитые страны, которым сложно будет отказаться от неэкологических стандартов жизни.

Идеи УР настолько кардинальны, что в дальнейшем должны быть воплощены во всех законах Российской Федерации, ее субъектов, в экономических и правовых механизмах, в решениях и нормативно-правовых документах на любом уровне. К сожалению, приходится констатировать, что пока ни один из принятых или готовящихся к принятию законов в Федеральном собрании РФ и высших законодательных органах субъектов Федерации даже не затрагивает идей УР.

Устойчивое экологически безопасное развитие и новые функции государства (УР-функции)

Устойчивое развитие определяется с помощью двух основных признаков — антропоцентрического и биосфероцентрического. Антропоцентрический (неогуманистический) признак состоит в том, что все мероприятия осуществляются с учетом потребности потомков в природных ресурсах.

Биосфероцентрический (в общем случае — экологический) признак понятия УР связан с сохранением биосферы, ее устойчивости, с тем, чтобы развитие человечества не происходило в экофобной форме. Применительно к государству эта функция, следующая из определения и качественной модели УР, может быть названа биосферной или, если следовать уже введенному в литературе по экологическому праву понятию, экологической функцией.

Появление новых функций государства (и любой социальной деятельности) под влиянием принципов и идей УР, изменение любой другой функции и их систем, способствующих реализации новой цивилизационной модели, будем называть УР-трансформациями. Прежде всего необходимо охарактеризовать новые УР-функции государства, которые должны оказаться стимулятором эволюционного изменения и других функций государства.

В правительственном проекте перехода Российской Федерации на модель УР (и в представленном автором этой работы) предусматривается переход России на путь становления ноосферы как «конечного этапа» движения по пути УР. По моим

представлениям, ноосфера должна соответствовать будущему «устойчивому» обществу, в котором будут обеспечены: приоритеты нравственного разума, экогуманизма, интеллектуально-информационных ценностей; гармония человека, общества и природы, их безопасное и неопределенно долгое соразвитие (коэволюция). Понятно, что такое понимание сферы разума (не исключая феномена государственности) является чисто теоретическим и в реальности неосуществимым даже в весьма далекой перспективе, поскольку оно лишено отрицательных черт, присущих любой действительности, даже желаемой в будущем. Однако степень приближения к этому идеалу (модели ноосферы) может оказаться важным критерием оценки различных траекторий движения тех или иных стран и обществ по пути УР.

Функция государства по обеспечению выживания и непрерывного развития российского общества

Казалось бы, до сих пор все государства преследовали цель выживания и дальнейшего неопределенно долгого развития. И это осуществлялось через все функции государства — оборону, управление экономикой, регулирование социальных отношений, обеспечение безопасности и порядка, развитие культуры, идеологии и т. д. В своей совокупности традиционные функции государства при их эффективной реализации способствовали существованию и дальнейшему развитию общества, функционирующего в его рамках. Однако ситуация в условиях движения к экологической катастрофе и углубления глобальных противоречий цивилизационного развития существенно изменялась.

Традиционные функции без наполнения принципами и целями УР уже не в состоянии обеспечить ни безопасность и развитие государства, ни благополучие его граждан. Гибель цивилизации скажется на каждом конкретном государстве, и в современных условиях государственная стратегия развития должна ориентироваться как на выживание человечества в целом, так и народа своей страны.

Кроме «УР-трансформирования» традиционных функций государства появляется и новая функция, которая, с одной стороны, как бы дифференцирована от возникших ранее, а с другой — синтезирует их, направляя в новое русло.

Функцию выживания и непрерывного развития общества нередко выделяют в качестве главного признака УР, отождествляя с ней саму дефиницию понятия УР. Так, в книге «Наше общее будущее», да и в материалах форума в Рио-де-Жанейро чаще всего под УР понимается такая форма поступательного развития, когда удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается не за счет лишения такой возможности будущих поколений [3, с. 50]. (УР определяется как возможность выживания нынешнего и последующих поколений.)

Вполне понятно, что выживание — это императив глобальной стратегии УР, но каждое государство, коль скоро оно существует, заинтересовано как в самосохранении, так и в выживании своего народа. Поэтому на уровне национальной стратегии каждое государство обязано будет включить выживание населения и непрерывно развивающееся развитие общества в перечень своих целей и функций, если оно присоединяется к процессу перехода на модель УР. А это ведет к тому, что функция выживания и непрерывного развития наполняется принципиально новым содержанием, которого не было у государств, развивающихся стихийно.

Прежде всего отметим, что все государства до недавнего времени разделяли потребительскую идеологию, утверждавшую заботу властных структур об удовлетворении все возрастающих потребностей населения. Государства планеты, включая и Российское государство, сформировали индустриально-потребительское общество. В противовес этой идеологии реализация новой, ориентированной на выживание, комплексной функции государства состоит не только в удовлетворении, но и в постепенной кардинальной переориентации потребностей насе-

ления, их экологизации и интеллектуализации. Речь тем самым идет о коэволюционном соразвитии общества и окружающей его природной среды, в котором важную роль должно играть государственное регулирование.

К комплексу задач по выживанию и сохранению народонаселения России прежде всего относятся поддержание здоровья населения и его оптимальной численности на российской территории, обеспечение необходимого с позиций УР воспроизводства людей. В настоящее время состояние здоровья населения, качество его жизни и условия воспроизводства находятся в кризисном состоянии. Большинство населения (2/3) не занимается физической культурой и спортом, ведет нездоровый образ жизни (алкоголизм и пьянство, наркомания, некачественное питание и т. д.).

Не меньшую тревогу вызывает и проблема наследственных заболеваний. Имеет место постепенный фоновый рост генетических болезней, число заболевших из поколения в поколение увеличивается все ускоряющимися темпами, в то время как рождаемость в России за последние пять лет упала, а смертность возросла. Как полагают специалисты, это в первую очередь связано с тем, что радиационное и химическое загрязнение, все более неблагоприятные условия труда (в том числе экологические) ведут не просто к ускоренному нарушению генома человека, а к утере в популяции россиян механизмов, стабилизирующих на нормальном уровне распад генома человека [10]. В настоящее время «средний» мужчина в России доживает только до 57 лет, причем продолжительность жизни населения страны уменьшается с каждым годом на один год. Абсолютная численность населения России снижается примерно на миллион в год, даже с учетом интенсивной иммиграции из стран бывшего СССР.

Демографическая ситуация, сложившаяся в России, требует кардинальных действий со стороны государства в плане реализации модели УР. Тем более, что в России нет экологически избыточного населения, как в развивающихся странах, где численность его вышла за пределы жизнеподдерживающей емкости экосистем. Средняя плотность населения в России сейчас близка к тому показателю (7—8 человек/кв. м), который в целом на планете может быть достигнут, если оптимально управляемая демографическая редукция остановится на экологически приемлемом «золотом» миллиарде. Демографическая оптимизация в России заключается в оптимальном распределении населения по территории страны (за счет уменьшения в европейской части и увеличения в азиатской), снижения масштабов и темпов урбанизации (сейчас почти 74% населения живет в городах) и т. д.

Обеспечение УР в целом не сводится лишь к упомянутым проблемам, а включает весьма объемный комплекс мероприятий, которые в общем виде изложены в проекте концепции перехода Российской Федерации на модель УР [9, 11] и в последующих его уточненных вариантах. Властные структуры государства обязаны осознавать необходимость сосредоточения главных своих усилий по реализации новой — антропоцентрической — функции, т. е. функции выживания и непрерывного развития как главный неогуманистический императив перехода на модель УР.

Экологическая функция государства

Все мировое сообщество и каждое из приблизительно 200 государств планеты просто вынуждены включить в перечень своих функций новую — экологическую. Ведь нет ни одного государства, которое так или иначе не губило бы природу или не подвергалось бы экологическим загрязнениям со стороны иных государств. Например, в Россию в процессе трансграничного переноса поступает в 7,3 раза больше окислов азота и в 8 раз больше серы, чем выносятся за пределы страны. В свою очередь, Россия также оказывает негативное воздействие на экологию сопредельных стран и прежде всего Европы.

Экологическая функция любого государства должна носить всеобщий и гло-

бальный характер и в отличие от всех других ее внешние и внутренние аспекты не могут быть жестко разделены. Суть ее заключается в том, чтобы обеспечить экологобезопасное развитие как данного государства, так и всего человечества, поскольку второе зависит от первого.

Это реалии и перспективы выживания и для конкретной страны, и для мирового сообщества. Вот почему следует согласиться с В. Хёсле, который полагает, что «мы вправе прибавить к признакам разумного государства еще один, а именно: социальное и демократическое правовое государство должно стать также и государством экологическим. Итак, я думаю о том, что к числу важнейших государственных задач следует отнести и борьбу за сохранение природных основ жизни. Государство же, не справляющееся с такой задачей, тем самым теряет право на существование, даже если оно по примеру западных демократий и сумеет лучшим образом сохранить *status negativus*, *status positivus*, *status activus*, *status passivus* своих граждан, другими словами, обеспечить им право на защиту, право на подачу апелляций и другие политические права. Логика правового развития, вполне совместима с тем, что права грядущих поколений и природы начинают осознаваться лишь в конце исторического развития; ведь здесь вовсе не имеются в виду суверенные субъекты, которые одни и могут сформулировать идею права. Впрочем, в любом случае игнорирование этой ступени представляет собой достойный сожаления недостаток, лишаящий правовое государство возможности сделать последний шаг, поскольку таким образом правовое государство, отвергнув условия реального выживания, совершенно уничтожится» [12].

Совершенно естественно, что приоритетность экологической функции в условиях глобального кризиса должна быть достаточно высокой — ей следует стоять сразу же после экономической, в наибольшей степени влияющей на принятие государственных решений.

Экологическое право и реализация экологической функции государства

Экологическая функция государства обязательно должна найти отражение в правовых отношениях. Этим обуславливается появление новой, ранее не известной правовой функции [13]. Государственная функция права возникла именно потому, что появилась необходимость в регулировании общественных отношений в сфере взаимодействия общества и природы. Речь прежде всего идет о необходимости обеспечения экологической безопасности и охраны природы при регулировании общественных отношений в области хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, деятельности органов государственной власти, должностных лиц и т. п. Без активного юридического вмешательства в управление природопользованием и в охрану природы, без четкой ориентации на цели УР невозможно эффективно реализовать принципы новой цивилизационной модели развития.

Экологическая функция права имеет принципиальное отличие от всех иных функций — экономической, политической, организационной, культурной, воспитательной и т. д. Ведь все эти функции были свойственны праву как инструменту управления обществом, в котором либо игнорировалось взаимодействие общества и природы, либо отражалось весьма опосредованно и, как правило, неадекватно.

Вот почему с появлением экологической функции можно вести речь, пожалуй, о беспрецедентном совмещении законов развития общества и законов развития природы. Причем таком совмещении, которое нашло бы свое отражение в юридических законах и эколого-правовых нормах. А это возможно только в том случае, если в принципе возможно совместить законы развития общества и природы в процессе их взаимодействия. Если же это невозможно, то постановка вопроса об их отражении в эколого-правовых нормах и законах оказывается несостоятельной.

И хотя вопросы о том, как соотносятся законы природы и общества, существуют ли экологические законы, которые в рамках социальной экологии могут рассматриваться как социоприродные, все еще являются дискуссионными [14], моя позиция состоит в признании наличия таких законов.

Если мы выбираем в качестве основы перехода на модель УР сохранение биосферы, то общество должно органически вписываться в биосферные циклы и закономерности и направлять свою эколого-экономическую деятельность на биологическую стабилизацию окружающей среды. Это — вариант подчинения законов общественного развития законам эволюции биосферы, и он должен быть отражен в эколого-правовых нормах.

Нужно иметь в виду, что этот вариант потребует очень жестких юридических норм и вряд ли будет реализован на первоначальном этапе перехода к УР. Ведь скачок в эколого-правовых нормах от «чисто общественных» до «чисто экологических», в принципе, не реален.

Вместе с тем даже в ходе Предшествующих форм развития общества, характеризующихся моделью неустойчивого развития, возникали некоторые синергетические направления, которые можно было вписать в модель УР. Поэтому новый вариант эколого-правовых норм будет ориентирован на этот тип синергетических социоприродных закономерностей.

Реализуя экологическую функцию права, важно начать переход от чисто социальных правовых норм к нормам социально-экологическим, все более полно учитывающим закономерности развития природы. При этом следует заметить, что законы развития природы, биосферы в особенности, являвшиеся до сих пор предметом наук о природе, становятся натуральной базой правового регулирования лишь в случае их включения в систему общественных отношений, в систему человеческой деятельности. На это уместно обратить внимание, ибо экологизацию права вряд ли стоит трактовать сугубо натуралистически как переложение истин (законов) природы, скажем, наук о Земле или биосфере, на юридический язык.

Эколого-правовые нормы, отображающие природоохранные и природоресурсные аспекты, оказываются базовыми, а включенные на их основе в другие законы, регулирующие иные общественные отношения и сферы деятельности, оказываются вторичными, хотя по своей силе воздействия они в совокупности могут превысить эффект действия базовых норм.

Важно, чтобы развитие экологического права сопровождалось и тотальной экологизацией всех правовых норм и актов. И в этом смысле базовые эколого-правовые нормы становятся источником появления вторичных экологизированных правовых документов. Так, в прошедшем первое чтение федеральном законе «Об экологической безопасности» предполагается, что после его вступления в силу со дня его опубликования в течение трех месяцев приводятся в соответствие с ним все нормативные акты Президента РФ, Правительства РФ, ведомств, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Без процесса экологизации всех правовых норм и государственных решений немыслима реализация стратегии экологобезопасного УР.

Организационно-исполнительские механизмы экологической функции государства

Организационные механизмы экологического управления определены Конституцией РФ, а также федеральными законами «Об охране окружающей природной среды» и «Об экологической безопасности». Речь идет как о компетенции Федерации и ее субъектов, так и о разграничении представительных и исполнительных органов. К компетенции высших представительных органов Федерации и ее субъектов относятся: определение основных направлений экологической политики; утверждение государственной экологической программы; определение правовых основ регулирования природоохранительных отношений; опреде-

ление полномочий в области охраны окружающей среды и порядка организации и деятельности органов управления в данной области; установление режима зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия.

Вопросами экологии в Федеральном собрании занимается главным образом Государственная Дума, в которой имеется два специальных комитета — по экологии и по природным ресурсам, — а также функционирующий при первом комитете Высший экологический совет. В Совете Федерации специального комитета по экологии нет, есть лишь подкомитет в комитете по социальной политике. Кроме того, в последнее время к этим вопросам подключился комитет по аграрной политике, по инициативе которого был создан Федеральный экологический союз (в качестве фонда).

При Президенте РФ в настоящее время существует экологический орган — Межведомственная комиссия Совета безопасности по экологической безопасности, которую возглавляет бывший советник Президента РФ по этим вопросам А. Яблоков (сам пост советника упразднен).

Государственные специально уполномоченные органы управления охраной окружающей природной среды подразделяются на комплексные (Минприроды, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Росгидромет, Госкомсанэпиднадзор), отраслевые (Роскомвод, Рослесхоз, Роскомрыболовства, Роскомнедра, Роскомзем, Минсельхозпрод) и функциональные (Федеральный надзор РФ по ядерной и радиационной безопасности, Федеральный горный и промышленный надзор РФ, МВД РФ, Государственный таможенный комитет).

Существует ряд государственных органов, которые в процессе выполнения своих специфических функций одновременно решают и экологические задачи. Среди них: Министерство экономики (рабочая группа которого подготовила правительственный проект перехода России на путь УР), Госстандарт России, Госкомфедерация, Госстрой РФ, Роскартография, Главком пограничных войск РФ и др. По сути, экологические функции должны выполнять все, прежде всего хозяйственные ведомства и органы государства, а не только главные ресурсопользователи и загрязнители.

Нужно иметь в виду, что в настоящее время экосистемы России на урбанизированных и индустриальных территориях дошли до предела своих ассимиляционных и компенсационных возможностей. Поэтому практически любая деятельность (а каждая деятельность связана с использованием ресурсов), включаемая в такую экосистему (даже неопасная для нее), усиливает негативный синергетический экологический эффект, играя роль «последней капли». Вот почему чисто отраслевой и ведомственный подходы к экологической безопасности уже неприемлемы. Вот почему при переходе к УР необходимо существенно усилить комплексный, системный подход как к охране окружающей природной среды, так и к использованию природных ресурсов.

Итак, при переходе на путь УР существенно повышается роль комплексных государственных экологических служб. Речь, конечно, идет прежде всего о Минприроде, являющемся головным государственным органом в области охраны окружающей среды и экологического контроля за использованием природных ресурсов иными государственными ведомствами и службами. Минприроды реализует свои полномочия через подчиненные ему территориальные органы в субъектах Федерации, в районах и городах, создаваемых по согласованию с соответствующими властными структурами.

Нужно отметить, что структура упомянутого министерства несовершенна. К тому же, как многие российские госслужбы, оно очень часто подвергается перестройкам и, кроме того, весьма слабо финансируется государством. С каждым годом бюджет его снижается и составляет в этом году лишь 0,03% от госбюджета, а в доходной части — 0,7%. Передовые индустриальные государства, стремящиеся обеспечить свою экологическую безопасность, тратят до 5% госбюджета на экологию. Кстати, состоявшийся в июне 1995 года Всероссийский съезд по охране

окружающей среды в своей резолюции считает недопустимо низким сложившийся уровень финансирования экологических программ и требует его увеличения не менее, чем до 3% расходной части бюджета всех уровней.

Разумеется, наряду с существованием и функционированием специальных госслужб, ответственных за охрану природы и обеспечение УР, необходима тотальная экологизация всех государственных служб. Однако пока главным препятствием их четкой ориентации на реализацию стратегии России по переходу на путь УР является то обстоятельство, что «вся система управления природопользованием независимо от ее самооценки испытывает острый дефицит квалифицированных специалистов, восприимчивых к новым требованиям эколого-экономической политики и способных полностью нейтрализовать экономическую безграмотность правительственных чиновников и хозяйственных руководителей» [15].

И хотя Закон РФ «Об охране окружающей природной среды» предусматривает замещение государственных должностей лишь при наличии необходимого экологического образования, он, как и многие иные законы РФ, нарушается самим же государством, не принявшим пока мер по тотальной экологизации обучения и переподготовке госслужащих и руководителей всех уровней.

Вместе с тем ясно, что сводить стратегию УР к проблемам экологии нелогично. Не меньшую обеспокоенность и неопределенность вызывает забота о нынешнем, а тем более будущих поколениях россиян. И если интенсивные «волны экологизации» могут идти от Минприроды и иных экологических органов в другие госслужбы РФ и в российское общество, то специальной службы, акцентирующей внимание на выживании и заботе о будущих поколениях у нас в стране попросту не существует. В ряде стран (Китай, Япония, Норвегия, США) такие органы появились. Например, в США создан Совет по устойчивому развитию при президенте США.

Конечно, подобный орган необходимо создать и в РФ, причем в ветвях не только законодательной, но и исполнительной власти. Очевидно, такой орган (комиссия, совет) должен быть при Президенте РФ, как и Совет безопасности, и работать в тесной связи с ним, поскольку обеспечение безопасности без перехода на путь УР в принципе невозможно. Что касается появления иных новых госслужб в связи с переходом России на модель УР, то этот вопрос требует специальных аналитических исследований, которые пока не проводились в нашей стране. Это дело будущих разработок на стыке государственного строительства, теории госслужбы и экологии. Здесь мы ограничимся лишь юридическим и организационным аспектами проблемы реализации экологической функции.

Эволюция идеи государственности и реализация функции безопасности

Принятие стратегии перехода на модель УР кардинальным образом меняет концепции национальной и глобальной безопасности. Государство прежде всего обязано заботиться о сохранении биосферы в целом на планете и особенно о своих собственных экосистемах, а не только о безопасности своих граждан и социума. Именно биосфера, в которую включаются все живые существа, почва, земельные ресурсы, ландшафты, водные объекты, геологические среды (сферы), в своем 30-километровом объеме становится отныне субъектом безопасности и сохранения. В этом смысле нередко говорят о биологической (биотической) безопасности или шире — биосферной безопасности.

Благодаря стратегии УР и экологической безопасности общая концепция национальной безопасности обретает новое — глобально-биосферное — измерение, включаясь в процесс выживания и сохранения всей цивилизации. И в значительной степени благодаря новым цивилизационным ценностям и целям выживания само человечество пытается более органично вписаться в биосферу

Земли, в сохранении устойчивости которой можно видеть основу для неопределенно долгого развития человеческого рода.

Приоритетность экологической безопасности для выживания российского общества и цивилизации в целом достаточно очевидна по сравнению с другими видами безопасности. Однако на современном этапе, когда высшая государственная власть и большинство населения не готовы к восприятию новой экогуманистической идеи, было бы целесообразно включить идею экологической безопасности и перехода на модель УР во все ныне существующие и готовящиеся концепции, программы и законы.

Если речь идет о системно-национальной безопасности, то ее понимание зависит как от видения безопасности в перспективе, так и от эволюции идеи государственности.

Следует констатировать, что пока нет концепции Российского государства и возможной его эволюции, хотя о его прошлом написано немало трудов. Идея государственности эволюционирует сейчас от понимания государства как основного института политической власти классового общества к идее правового социального государства в гражданском демократическом обществе. Данный тип государства уже в значительной степени реализован в ряде развитых демократических стран, поэтому именно на него ориентируются большинство отечественных разработок в этой области, добавляя сюда, что вполне естественно, российскую специфику. Вместе с тем этот переход от «классово-политической» концепции государства к «социально-правовой», являясь необходимой составной частью эволюции идеи государственности, уже запоздал, как и ориентация организации российского общества на архаичные принципы прошлых общественно-экономических формаций. Не только высокоразвитые страны Запада, но фактически весь мир уже осознал, что нужно сделать следующий шаг и начать всем мировым сообществом реализовывать систему совершенно новых принципов развития — УР. Причем как в области социально-экономической, так и государственных структур и управления.

Итак, предполагается новый виток идеи государственности не только в России, но и в мире в целом, формирование новой модели государства, уже не просто правового и социального, но и «социоприродного», и «экологического», и «устойчивого», которое само подвергнется трансформациям под влиянием перехода на путь УР (УР-трансформаций). Такое государство должно стать не только формой эффективной организации жизни людей и удовлетворения их жизненных потребностей, обеспечивая права и свободы каждого человека, но и обязано будет заботиться о таких же возможностях для всех последующих поколений своих граждан, об их безопасности, о сохранении и улучшении окружающей природной среды и устойчивом освоении природных ресурсов. Это принципиально новые функции государства, которые отнюдь не просто обеспечить, ибо все предыдущие модели государств в лучшем случае лишь декларировали эти функции в своих основных законах, но никогда не реализовывали их, так как считали это само собой разумеющимся и не утруждали себя соответствующей конституционной формальностью.

Я специально остановился на эволюции идеи государственности в свете идей УР, поскольку до сих пор у нас в стране в реальной стратегии безопасности доминирует приоритет безопасности государств, что вполне объяснимо. И в современной социально-экономической и геополитической ситуации от этого не уйти (не говоря о том, что новые идеи в этой области должны быть восприняты не только в нашей стране). Однако в отличие от закона концепция национальной безопасности должна быстрее эволюционировать, включать новые фундаментальные идеи уже не просто социального, но социоприродного — глобального УР. Это важно понять и предвидеть тем органам и службам безопасности и прежде всего Совету безопасности, которые должны решать, на какую концепцию безопасности опираться, так как одна — действующая — уже устарела и не соответствует новым цивилизационным целям модели УР, а другой, соответствующей

этим целям, пока не существует, как не существует ни модели устойчивого общества, ни устойчивого государства.

УР-трансформации государственного управления: возможные метаморфозы демократии

Переход государства и общества на модель УР предполагает реализацию **новых** для них функций, о которых речь шла выше. Однако уже было обращено внимание на то, что современная демократия по ряду причин не сможет эффективно решать экологические проблемы и способствовать переходу на модель УР.

Во-первых, демократические решения, поскольку они принимаются **большинством**, требуют весьма длительного периода подготовки. На то, чтобы убедить большинство населения страны (а тем более — всей планеты) изменить свою потребительскую ориентацию на экологическую и рациональную, потребуется куда больше времени, чем на «организацию» экологической катастрофы.

Во-вторых, нет уверенности, что большинство населения (предположим, в ходе референдума по проблемам УР) проголосует в пользу разумного решения, предлагаемого народу интеллектуальной элитой, осознавшей пагубность развития по модели неустойчивого развития.

В-третьих, как уже отмечалось, современные демократические решения скрываются как за реальными границами государства, так и за темпоральными пределами жизни нашего поколения. Будущие поколения (как, впрочем, и живая природа планеты) в принятии решения не участвуют, и, как правило, нынешнее демократическое большинство решает участь будущих поколений и судьбу биосферы, исходя из своих интересов. И это, кстати, является аргументом не только против современной демократии, но и против будущей сферы разума, к созданию которой нас призывают опять-таки лишь рациональные аргументы.

Совершенно ясно, что стихийный демократический процесс, вот уже более 2500 лет развертывающийся на планете, а теперь и в России, не может не найти своего логического завершения. Историческая задача демократии во всех ее видах (мажоритарной и представительной) заключалась в отвержении тоталитаризма и авторитаризма. Вместе с тем уже было показано [5, с. 41—58], что традиционные демократические механизмы не в состоянии за короткий срок предотвратить экологическую катастрофу и реализовать модель УР. Поэтому был предложен переход к новому типу «демократии» — информационно-консенсусному механизму, который и является демократией (поскольку решение принимается всеми участниками) и в то же время не является таковой, поскольку предполагает реализацию управления разумного, а не принятого большинством. Ведь большинство может принимать и «неразумные решения». Это делает принятие демократических решений неэффективным, и необходимость выживания по модели УР может быть осознана лишь узким кругом людей, предложивших оперативные методы и механизмы изменения социального развития в направлении УР. В этом смысле некоторые авторы и говорят об «экологической диктатуре».

Так, О. Хабаров предполагает, что в первом десятилетии XXI века произойдет глобальный экологический взрыв (скорее всего, это будет «прорыв» озоновой оболочки), который приведет к массовой гибели людей и вызовет мировой шок и хаос... В этих условиях, считает он, к власти должны прийти правительства нового типа: по сути дела, религиозно-экологическая диктатура. Она призвана управлять миром на переходном периоде эволюции техносферы к природоохранительному типу развития общества, к экосфере или ноосфере. «Людям нужно преодолеть самих себя, отвернуться от желания обогащения и сверхпотребления к умеренности и воздержанию» [16]. Возможно, сами по себе люди (а таких большинство) не смогут или не захотят переходить на аскетическую модель УР.

В этом случае «выживание и счастье» им принесет экологическая диктатура религиозного типа.

Я, однако, не склонен соглашаться с мнением упомянутого автора о том, что «альтернатива Российской экологической державе только одна — окончательная гибель страны» [16]. Реальная альтернатива — это возрождение России на базе модели УР с использованием на начальном этапе демократических механизмов.

Демократия, отвергая свою современную форму, изменяясь в процессе движения по пути УР, превратится в ноосферную демократию, или ноократию, где первенствуют не большинство, а рациональное решение, не интересы голосующих, а интересы всех участников социоприродного взаимодействия. Речь идет о том, что предметом консенсуса может стать не решение, принимаемое большинством, а только самое эффективное разумное решение. Это предполагает не только голосование, но также обоснование и выбор решения на базе компьютерного моделирования. Тем самым не религиозная экодиктатура, а ноосферная ориентация сознания и управления на базе науки и здравого смысла всех общественных движений и властных структур позволит реализовать модель УР, которая тем самым окажется моделью становления ноосферы.

Вместе с тем это окажется не только недемократией, но и номократией, ибо без созидания правового государства и гражданского общества не смогут реализоваться нравственные экологические императивы, соответствующие модели УР ноосферного варианта. Это будет естественное развитие демократии, а не возврат к диктаторским режимам уже под зеленым флагом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития // Российская газета. 1994. 9 февраля.
2. Зеленый мир. 1994. № 12, 24.
3. Наше общее будущее. М., 1989.
4. *Коптюг В. А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). Информац. обзор. СО РАН. Новосибирск, 1992.
5. *Урсул А. Д.* Путь в ноосферу (концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М., 1993.
6. *Урсул А. Д.* Модель устойчивого развития для России. М., 1994.
7. *Урсул А. Д., Лось В. А.* Стратегия перехода России на модель устойчивого развития: проблемы и перспективы. М., 1994.
8. Введение в социальную экологию. М., 1994.
9. Концепция перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития. Проект // Зеленый мир. 1995. № 4.
10. *Лосев К. С., Горшков В. Г., Кондратьев К. Я. и др.* Проблемы экологии России. М., 1993. С. 266.
11. *Урсул А. Д.* Перспективы перехода Российского государства на модель устойчивого развития. М., 1995.
12. *Хёсле В.* Философия и экология. М., 1994. С. 138.
13. *Петров В. В.* Экологическое право России. М., 1995.
14. Введение в социальную экологию. Ч. 1. М., 1993. С. 36—44.
15. *Акимов Т. А., Хаскин В. В.* Основы экоразвития. М., 1994. С. 267.
16. *Хабаров О.* Экологическая диктатура // Завтра. 1994. № 3/8. С. 5.

© А. Урсул, 1996